

Д. В. Цолин

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НА АРАМЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ IV–VIII вв.

Еврейская литургическая поэзия на арамейском языке эпохи поздней античности и раннего средневековья предоставляет богатый материал для лингвопоэтического анализа и, в частности, поэтического синтаксиса. Тип стихосложения здесь принципиально отличается от привязанного к определенным синтаксическим моделям библейского параллельного стиха (он сохраняется лишь в парафразах древнееврейской поэзии в таргумах), в основе которого лежит *бессоюзная связь* двух предложений-строк. В литургической поэзии доклассического периода (IV–VI вв.) преобладает акростих, в основе которого – *строка*, разделенная цезурой; в классической же поэзии (VI–VIII вв.) доминирующей базовой структурой акростиха становится *строфа*. Синтаксические основы как доклассической, так и классической поэзии одинаковы – это синтагма-колон, по отношению к которому поэтическая строка является *вторичной структурой*: она может состоять из одного, двух или трех колонов – в зависимости от замысла автора. Различие между этими двумя разновидностями литургической поэзии не в синтаксисе, а в ритмической и фонетической организации стиха: если *стих-строка* доклассического *пшута* может иметь один-два-три колона, то строка в *стихе-куплете* классического образца, как правило, состоит из одного колона, реже – из двух. Ритм классической поэзии, таким образом, более четкий и размеренный. С другой стороны, классическому стиху присуща регулярная и хорошо слаженная *рифма*, тогда как в доклассических стихах она спорадична и примитивна¹.

¹ Если для доклассической поэзии характерно использование примитивной рифмы из повтора одних и тех же слов, местоименных суффиксов (например, ך-, כון-, ה-), определенного артикля ך- или же просто ассонансов, то для классической поэзии характерна рифма из двух или даже трех одинаково звучащих слогов в конце строки, например: תלט || -תלט, טלא || -טלא, ברין || -ברין; рифмы из слов-омофонов: אסתכל || רצדא || מרצדא, ציידא || מציידא, איתכל || רצדא.

Как в доклассическом, так и в классическом стихосложении синтаксис играет второстепенную роль, не будучи привязанным к неким структурным стандартам: в основе поэтической строки здесь может быть предложение, словосочетание-дополнение, обстоятельственный оборот, группа подлежащего или сказуемого. Такая ориентированность на *ритмическую структуру* и *фонетические средства* стихосложения предоставляла поэтам больше свободы в синтаксисе. С другой стороны, к “вольностям” синтаксиса авторов подталкивали и некоторые фонетические основы стихосложения (в частности, *акростих* и *рифма*).

Еврейская литургическая поэзия в целом была предметом различного рода исследований – исторических, литературных, лингвистических, религиоведческих, – результаты которых включены в наш анализ особенностей ее поэтического синтаксиса. Так, истории литургической поэзии, классификации ее основных жанров, описанию основных моделей стихосложения, посвящены работы Л. Цунца [Zunz 1865], И. Эльбогена [Elbogen 1993], Й. Ягаломы [יהלום 1985, 1994], Э. Фляйшера [פליישר 1985], Й. Кирнера [Kirner 1991], Л. Вайнбергера [Weinberger 1998], М. Валленштайна [Wallenstein 1956]. Особо следует отметить исследование Й. Ягаломы, посвященное *синтаксису литургической поэзии* [יהלום 1974]. Однако все упомянутые выше работы рассматривают поэзию на иврите. Наиболее выдающиеся исследования арамеоязычной иудейской поэзии – это книга А. Розенталя [רוזנטל 1966], посвященная поэмам к празднику Шавуот, и работа Й. Ягаломы и М. Соколова [יהלום וסוקולוף 1994].

Основная проблема, рассматриваемая в данной статье – анализ тех особенностей синтаксиса, которые связаны с формальными (ритмико-фонетическими в данном случае) стандартами стихосложения и спецификой поэтического дискурса. К этой сфере относятся: использование эмфатических конструкций в поэтическом контексте; игнорирование синтаксических норм в угоду ритмико-фонетической организации стиха; а также структур, характерных лишь для специфических разновидностей поэтического дискурса.

Пиюты, анализируемые в нашей статье, не являются переводами с древнееврейского языка, а представляют собой самостоятельные поэтические произведения, добавленные к переведенному библейскому тексту. Эти дополнения встречаются в Таргумах

Каирской Генизы (CGTg) и Фрагментарном Таргуме (FragTg). Их чтение было приурочено к двум праздникам еврейского религиозного календаря – *Песах* (в память об Исходе евреев из Египта) и *Шавуот* (празднование дарования Торы), и потому они расположены после соответствующих библейских текстов – 12, 14 и 20-й глав Книги Исхода. Вероятно, они предназначались для декламации чтецами-*метургеманами* после прочтения арамейского перевода упомянутых выше библейских текстов [Smelik 2003, 49–81; Tsolin 2012, 249–270]. В общей сложности в CGTg насчитывается 19 *пшотов*, а в FragTG – 11.

В нашей статье мы используем особое обозначение рукописей: сокращенное название книги латиницей, номера главы и прописной латинской буквы, указывающей на конкретную рукопись и/или расположение в ней текста, выделено **жирным шрифтом**; далее, после запятой следует арамейская буква, обозначающая куплет акростиха; цифра через дефис – номер строки. Например, **Ex 12a**, 2-2 означает: номер рукописи (**Ex 12a**, см. список ниже), куплет 2, строка вторая. Арамейский текст приводится по изданиям Таргумов Каирской Генизы и Фрагментарного Таргума М. Кляйна [Klein 1980; Klein 1986]. Список рукописей дан ниже в сноске². Все поэтические произведения располагаются

² **Ex 12a** Exodus 12:1, Oxford Bodleian Ms. Heb. e73, folio 29v; MS KK, Plate 174; **Ex 12b** Exod. 12:1 Cambridge University Library MS T-S NS 186, folio 21v; MS GG, Plate 164; **Ex 12c** Exod. 12:1 Cambridge University Library MS T-S NS 186, folio 21v; MS GG, Plate 164 (upside down); **Ex 12d** Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S NS 186, folio 21r; MS GG, Plate 163; **Ex 12e** Exodus 12:2 Oxford Bodleian Ms. Heb. e73, folio 29v; MS KK, Plate 174 (down); **Ex 12f** Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H11.51; MS HH, Plates 166, 167; **Ex 12g** Cambridge University Library MS T-S H11.51; MS HH, Plates 169, folio 4r – 169 5v; **Ex 12h** Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H11.51; MS HH, Plates 169 folio 5v – 171 folio 6v; **Ex 12j** Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H; MS MM, Plate 176; folio 1; **Ex 12i** Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H 12.11; MS JJ, Plate 172, folio 6v; **Ex 12k** Exod 12:2 Oxford Bodleian Ms. Heb. e73; MS KK, Plate 173, folio 29r; **Ex 14a** Exodus 14:29 Jerusalem Jewish National & University Library MS 4° 577.4^o; MS PP, Plate 178, folio 3 (2r); **Ex 14b** Exod. 14:29-31 Jerusalem Jewish National & University Library MS 4° 577.4^o; MS PP, Plate 180-181, folio 5 (3r); **Ex 14c** Exod. 14:30 Oxford Bodleian Ms. Heb. e25; MS T Plates 113, 114, folio 64v; **Ex 14d** Exod. 14:30 Oxford Bodleian

в 11 манускриптах, причем 10 из них относятся к CGTg (19 поэм) и только 1 – к FragTg (11 поэм). Подавляющее большинство пиютов (27 из 30) относятся к доклассической поэзии.

1. Эмфатические структуры

Эмфатический порядок слов подразумевает выделение одного из членов предложения путем его расположения в необычном для структуры предложения месте; такие синтаксические конструкции не являются характерными только для поэзии, но употребляются и в прозе также. Учитывая тот факт, что наиболее распространенным порядком слов для арамейского предложения является VSO(A) или SVO(A), мы можем применить в нашем случае критерии определения эмфатического порядка, предложенные Т. Мураокой [Muraoka 1985, 30–41, 60–81]. Следуя этим критериям, эмфатическим следует считать: а) расположение дополнения или обстоятельства в начальной позиции в предложении³; б) употребление *copula* в именных предложениях; в) предикативное слово אִתְּלִיל – *есть/нет* – также может использоваться в эмфатическом значении; г) *casus pendens*, или конструкция с экстрапозицией одного члена предложения. При этом, кроме сугубо формальных критериев определения эмфатических структур, мы должны учитывать и общий поэтический контекст.

MS Heb. folio c74v, c75r, MS X, Plates 119, 120; **Ex 14e** Exod. 14:29 Fragmentary Targum, Paris – Bibliotheque national Hébr. 110, folios 1-16; **Ex 14f** Exod. 14 Cambridge University Library MS T-S H 10.78; MS MM Plate 176, folio 2v; **Ex 15a** Exod. 15:6 Oxford Bodleian Ms Heb. f33; MS G Plate 96, folio 25; **Ex 20a** Exod. 20:2 Leningrad, Saltykov-Schedrin MS Antonin Ebr. III B 67; MS G, Plate 98, folio 2 – Oxford Bodleian Ms Heb. f33; MS G, Plate 99, folio 26; **Ex 20b** Exodus 20:1 Leningrad, Saltykov-Schedrin MS Antonin Ebr. III B 67; MS G, Plate 98, folio 2. Рукопись **Ex 20c** Fragmentary Targum, Paris Hébr. 110 folio 13a (ошибочно размещена после Втор. 7:10) содержит десять поэм, посвященных семи из Десяти Заповедей Декалога, для обозначения которых к **Ex 20c** добавлена еще буква еврейского алфавита, например: **Ex 20ca** и т.д. Вот список поэм: **Ex 20ca** רשות לעשר הדברות א; **Ex 20cb** רשות אחר ב; **Ex 20cc** רשות ג אחר; **Ex 20cd** לא יהיה לך ד; **Ex 20ce** לא תשא ה; **Ex 20cf** זכור ו; **Ex 20cg** כבד ז; **Ex 20ch** לא תרצח; **Ex. 20ci** לא תנאף ט; **Ex. 20cj** אחר י.

³ Эмфатический порядок слов, при котором дополнение стоит между подлежащим и сказуемым SOV или VOS, не засвидетельствован в рассматриваемых нами текстах.

Однако определить, является ли порядок слов в поэтической строке эмфатическим, довольно проблематично из-за искусственного структурирования предложения для поддержки *акростиха*, а иногда и *рифмы* (подробнее об этом дальше, в разделе 3.2). Порядок слов при этом может выглядеть как эмфатическая структура, однако причиной подобного рода изменений было лишь стремление автора расположить слово, начинающееся на определенную букву, в начале строки или же слово с “нужным” окончанием в конце строки. По этой причине попытаться обнаружить эмфатический порядок слов мы можем лишь в строке, первое слово которой не начинается на букву, образующую *акростих* (например, следующая строка после основной).

1.1. Расположение дополнения в начале предложения OVS(A):

חזי מרחשון מ'לוליה
ועמא רחמא פורקן אצמח ליה

Представил [месяц] Мерхешван свои слова:

“А народа возлюбленного спасенье я совершу...” (Ex 12d, п-1-2)

אמר ניסן לתמוז
<ל>סרסון את ד'מ'ייה
ולית יידי את פרוקי

Сказал [месяц] Нисан [месяц] Таммузу:

“Крабу ты подобен,

И потому не быть тебе искупителем!” (Ex 12g, з-2-4)

См. также: ועמיה יקוי דיינה דקושטה (Ex 12g, כ-3); לבתולה למצנעה גרמה (Ex 12h, ז-2);

В некоторых случаях можно обнаружить эмфатический порядок слов и в строках акростиха (эмоциональное выделение члена предложения при этом определяется по контексту):

רחמי [א]תהיב להון נינה פומך

Любовь Мою Я дал им [...] из уст твоих (Ex 12g, ר-1)

חוקמה ובינה יתבית לישקר

Мудрость и разум Я дал Иссахару (Ex 12h, п-1)

באבונן דלעיל ביה רחצין

На Отца нашего Вышнего, на Него мы надеемся! (Ex 20c ד, ב-1)

См. ביה אנן רחצין מן שמיא טליותן || ביה אנו יקדין וביה לא כפרין (Ex 20c ד, ב-2).

1.2. Выделение обстоятельства (A)VSO/ (A)SVO:

כל מילול[ן]ה שבט סדר בענינה
אנא עתיד לרווחה ופורקנה
דבי יתכנשון לות עינותנא

Все изречения свои [месяц] Шват расположил разумно:

“Я предназначен для облегчения и освобождения,

Ибо во мне соберутся они к Смиренному [Моисею] ...” (Ex 12c, ב-1-3)

Эмфатический характер расположения דבי “ибо во мне” (месяце Швате) обстоятельства в начале подчиненного предложения вполне очевиден: подчеркивается то, что важное событие произойдет именно в это время года.

התיב אב בי יתפרקו עמך
דבי יקום רבהון? לכפרא זעמך
ואיבעין [ימ]ין ישתטח לעמך

[Месяц] Ав отвечал: “Во мне избавлен будет народ Твой,

Ведь во мне их вождь искупит грех народа Твоего,

И сорок дней будет простиаться пред Тобой!” (Ex 12d, ה-1-3)

Во всех трех случаях подчеркивается время событий: именно в месяце Аве будет прощен Израиль по ходатайству Моисея, и целых сорок дней пророк пребывал в общении с Господом, получая заповеди Торы (Исх. 34:28).

דמין פימך לא תמלל
אמר ניסן [לאדר]

“Из уст твоих да не сорвется слово!”

Сказал [месяц] Нисан [месяцу] Адару (Ex 12g, ג-4-5)

В некоторых акростихах адвербиальные обороты в начале предложения также встречаются, и их эмфатический характер вполне очевиден:

בקדמין כד אתברי עלמא
בחירין הוו מכל עממייא
די תחות קל שמייא

В начале, когда был мир сотворен,

Они избраны были из всех народов,

Что под небесами (Ex 14a, ב-1-2)

Подобные конструкции в предложениях, следующих за акростихом, см.: בי יהי פורקנא רבא (Ex 12c, ל-2); בי יתפרק עמא מנטלא (Ex 12d, ב-2); בי יתפרק עמא מנטלא || דבי יסק להון נחתת טלא (Ex 12d, ב-2-3);

דבי תרי עשר גברין; (Ex 12d, ג-2-3) בי יתגלי נהורא || דבי יתעתדון תחוט טורא דבי (Ex 12d, ו-2); דבי יקום לטורא ענותאנא (Ex 12d, ד-2) מרישי נושעה דבי יתגלוי רמא למפרק || דבי ישלח מלאכא (Ex 12d, ט-2-3); יתרוחון עמא מתנחתא בי יהי (Ex 12d, כ-3); דבי יתכנשון לוח עינותא (Ex 12d, י-1-2); ית עמיה פורקנא רבא (Ex 12e, א-2); (Ex 12e, א-2); בי הנון מתפרקין; (Ex 12d, ל-2); פורקנא רבא (Ex 12g, ובי הוא עתיד למפרוק יתהון; (Ex 12e, א-4) [דבין] אשתזב נח צדיקה ובי (Ex 12h, פ-3) דביה טיפסה (Ex 12h, ס-2); דביה רביבין ורוחין נשבין; (Ex 12h, ת-2); דביה איתפרקו; (Ex 12j, ל-2) ובי עתיד למתבניא בית מקדשא קדישא; (Ex 12j, ו-1); סלק משה למרומא ביה יהון; (Ex 12b, ב-2) וימיניה פשוטה על ישראל; (Ex 12b, א-1) אבהון ובנין בכל; (Ex 20b, ל-1-3) לעידן דיייתי מכנש מבדרא || משפחין עד רמשא יתיב נהורא <Ex 20b, פ-2> אחר דהויין <הננו עניין>;

1.3. Порядок слов PS и S_{pron. pers.} P в именных предложениях может в некоторых случаях иметь эмфатическое значение.

אלהא ד'חיא? וקיימא? ש'מיה

Бог Живой и Сущий – имя Ego! (Ex 12b, א)

גמירא דכולא שבתא

Завершение всего [творения] – шаббат (Ex 20c ו, ג)

קרבה ענה ניסן ואמר לטבת

הח הונך לגדיך ואנה לאמרני

Отвечал [месяц] Нисан и сказал [месяц] Тевету:

“Твоя сила – лишь для твоих [жертвенных] козлов,

а я – для моих агнцев” (Ex 12g, ו-1-2)

1.4. Именные предложения с личным местоимением в функции *copula*.

פ'אנא הוא דנסיב כלילא

Привев: Я есть тот, кто корону носит... (Ex 12d, рефрен)

אנא הוא שליחיה דמלך הכבוד

Я есть посланник Царя Славы (Ex 14c, ב-2)

См. также: אנא אנא (Ex 14e, ב-2; ט-2); דאנא הוא שלוחיה דיוצר בראשית: הוא יי אלהכון (Ex 20a, ה-1) אנא הוא מְחַל חובין; (Ex 20a, א-1) הוא מלקדמין חי וקיים הוא פטרון דיין; (Ex 20a, ע-3); אנא הוא אלהא אלהין; (Ex 20a, כ-3) דאנא הוא פריקא; (ד, ז) (Ex 20c) דין הוא יומא דיהוון אמרין; (ח-1) (Ex 20c ד, ז)

תקוף הוא אלהנא ותקיפין עובדוי (Ex 20c ז, ש-2); ואפרוקינד (Ex 20c ז, ת); דאנתתא היא שטנא (Ex 20c ט, ז-1); זעיר ומינוק הוא יוסף (Ex 20c י, י-4).

1.5. Именные предложения с предикативным словом אית\לית (“есть / нет”) в начальной позиции. В некоторых случаях такая позиция имеет явный эмфатический характер.

לית אוחרן בר מיניה ולית דכוותיה ולית דדמי ליה

Нет иного, кроме Него, и нет такого, как Он, и Ему подобного!

(Ex 20c ז, ת-2)

וּמְלַךְ סִינוֹ זָעַה וְאָתִי

דְּסִינֵי רַחֲמֶךָ

ולית יידי אַתְּ פְּרוֹק

А почему ты, [месяц] Сиван, стал кричать?

Ведь [месяц] Нисан – возлюбленный твой,

И не быть тебе искупителем! (Ex 12g, ו-1-3)

См. подобную фразу-рефрен ולית יידי אַתְּ פְּרוֹקוּ (Ex 12g, ז-4; ג-4; ז-6);

שְׁעוּ הִיא לָךְ בְּרִיהַ דְּעִמְרָם

דְּלִית אֲנָא מִתְּכַבֵּשׁ מִן יְלוּד דַּתְּהָא

Заблуждаешься ты, сын Амрама,

Не быть мне побежденным рожденным женщиной! (Ex 14c, ט-1-2)

לִית הֵדָּה שַׁעְתָּה דְּדִינָהּ

Нет даже часа на рассуждения! (Ex 14c, ל-2)

רַךְ פֶּטֶל לְיָאִית

Есть у нас Покровитель! (Ex 20c ד, рефрен)

См. также: לית אַנָּא מִתְּכַבֵּשׁ מִן יְלוּד אִיתְתָּא (Ex 14c, ס-2; Ex 14e, ס-2); לית אַנָּא מִשְׁגִּיחִין עֲלֶיךָ וְעַל צְלֻמְךָ || לית אַנָּא חֲשָׁשִׁין לְאַלְהָהָא דְּבֵר נֶשׁ שְׁפִכִּיהָ (Ex 20c ד, ל-1-2); לית אַנָּא דְּרִי עִם אִיתְתָּא (Ex 20c ט, ב-2); в анализируемых нами классических *пютах* такие конструкции не засвидетельствованы.

1.6. *Casus pendens*. Экстрапозиция выделяемого элемента не относится к сугубо поэтическим средствам – она встречается как в прозе, так и в поэзии. Несколько раз такие конструкции появляются и в рассматриваемых нами доклассических пютах.

ועמא רחמא / פורקן אצמח ליה

А [что касается] народа возлюбленного – избавление

доставлю я ему (Ex 12d, ה-2)

דחלתא דצלמא / לית הוא בליבא

Страха пред идолами – его нет в сердце! (Ex 20c 7, 7-1)

שבטיא דישראל / שכניתיה תשרי בגוון

Колена Израэля – Его Шехина обитает среди них (Ex 20c 2, 2)

Вынесенный за пределы предложения элемент в таких случаях естественно вписывается в структуру поэтической строки, образуя отдельную синтагму.

Употребление эмфатических синтаксических конструкций характерно, преимущественно, для доклассической поэзии, что связано со структурой *стиха-строки*, более близкой к прозе, чем строка в *стихе-куплете*⁴. Функция эмфатических конструкций в поэзии – усиление поэтической экспрессии с помощью интонации и ритма; выделенный элемент при этом совпадает с *синтагмой-колоном*, гармонично вписываясь в структуру стиха.

2. Синтаксические аномалии

Под синтаксическими аномалиями мы подразумеваем те конструкции словосочетаний и предложений, которые противоречат основным стандартам синтаксиса арамейского языка и встречаются только в поэзии. Отступление от нормативного синтаксиса почти во всех без исключения случаях обусловлено искусственным подчинением порядка слов *акростиху* или *рифме*. Таким образом, факт синтаксических аномалий еще раз подтверждает второстепенность синтаксических моделей для доклассической поэзии и доминирование ритмических и фонетических средств.

2.1. *Подлежащее перед подчинительным союзом.* Подобное расположение подлежащего в сложноподчиненном предложении не встречается в прозе [לייאס 1986, 249–251].

2.1.1. *В подчиненном предложении времени* (в переводе на русский язык мы сохраняем порядок слов оригинала):

מלכא דעלמינ / כד מלל מלחא נהירא

נפקא נשמתא / דאומה בהירא

Царь миров когда говорил слово света,

Вышла душа народа избранного (Ex 20b, 1-м)

⁴ В классической поэзии засвидетельствовано лишь четыре случая, оба – именные предложения с местоимением הוא в качестве *copula*, см. Ex 20a, 3-у; 3-כ; 1-ה; Ex 20c 4-י, 7.

Словосочетание מֶלֶכָּא דְעֵלְמִין “Царь миров” в функции подлежащего стоит перед подчинительным предлогом כִּד “когда”. Причиной такой перестановки является поддержка акростиha – строка должна начинаться на букву מ, поэтому выражение מֶלֶכָּא דְעֵלְמִין вынесено в начало предложения.

2.1.2. В подчиненном предложении условия. Подобным образом подлежащее может стоять перед подчинительным союзом в придаточном предложении условия:

זְהָרָה אֵין חֲמוּהוּ / זְקִירָא לְצִפּוֹנָה
וְקִרְיָה חֲוֵרִיתָה / רְכִינָה לְדְרוֹמָה

*Луны [рог] если кажется направленным на север,
А рог другой склоняется к югу.... (Ex 12f, 1-1)*

Существительное זְהָרָה “луна” стоит перед подчинительным союзом условия אֵין “если” также ради поддержки акростиha (буква ז). См. также: רוּחַ בְּמֵרָחָה <ש>וֹן אֵין מְחַת לְזְהָרָה (Ex 12f, 2ר-1); וְזֶהֱרִי אָן הָנוּה כְּאֵדָם שֶפִּידִךְ לִגּוֹ יִרְחָה שְׁבֵט (Ex 12f, 2ג-1).

2.2. Сказуемое перед подчинительным союзом. Под влиянием акростиha предшествовать подчинительному союзу может также и сказуемое:

קָאִים אֵין הוּוה \ [זק] יר וְלִקִי /
לִגּוֹ יִרְחָה אָב (הה)

*Стоит если [серп луны] прямо,
и затмевается в середине [месяца] Ава... (Ex 12f, ק)*

При этом сказуемое может быть именным:

סְמוּק וְלִקִי / אֵין הָנוּה בְּסִינוּ
עֵרְבוּבָה הָנוּה / בְּיִלְכוּן דְנִמָּה

*Красной и затемненной если будет [луна] в [месяце] Сиване,
Замешательство будет для плавающих в море (Ex 12f, ס-1-2)*

Именное сказуемое סְמוּק וְלִקִי “красной и затемненной” также стоит перед подчинительным союзом אֵין “если” в угоду акростиha (буква ס). См. также: שֶׁפֶע אֵין הָנוּה כְּתִלְגָּה / לִגּוֹ יִרְחָה אֱלוּל (Ex 12f, 1ש-1-2); עֵכִיר אָן הָנוּה / קְתַנְנָה בְּטַבַּת (Ex 12f, 2ע-1).

2.3. Адвербиальное выражение перед подчинительным союзом. В структуре стиха в начало предложения (перед подчинительным

союзом) может выноситься и обстоятельственный оборот. Все известные случаи такого необычного построения подчиненного предложения также связаны с *акростихом*.

מביתה דאבוהא/ כד אתת למיפק

Из дома отца когда она выходила... (Ех 20с г, г-1)

לג'ו ירחה אדר/ אן הווה לקי

В середине месяца Адара если будет затмение... (Ех 12f, 2л-1)

В первом и во втором случаях изменение порядка слова в подчиненном предложении связано с акростихом (буквы **ג** и **ל**).

2.4. Измененный порядок слов в сопряженном словосочетании.

В одном случае порядок слов неестественно изменен: *частица* **ת** + *nomen rectum* стоит перед *nomen regens*: “דינור סוסון” (= *огненные кони*) вместо нормативного *סוסון דנור*. Появление такой искусственной конструкции обусловлено стремлением автора поддержать рифму: ||סוסון|| סוסון (Ех 20с **ב**, г-г). Подобного рода словосочетания не обнаружены в прозаических текстах на арамейском языке в Иерусалимском Талмуде и Мидрашах [לויאס, 1986, 215–217].

3. Синтаксические макроструктуры

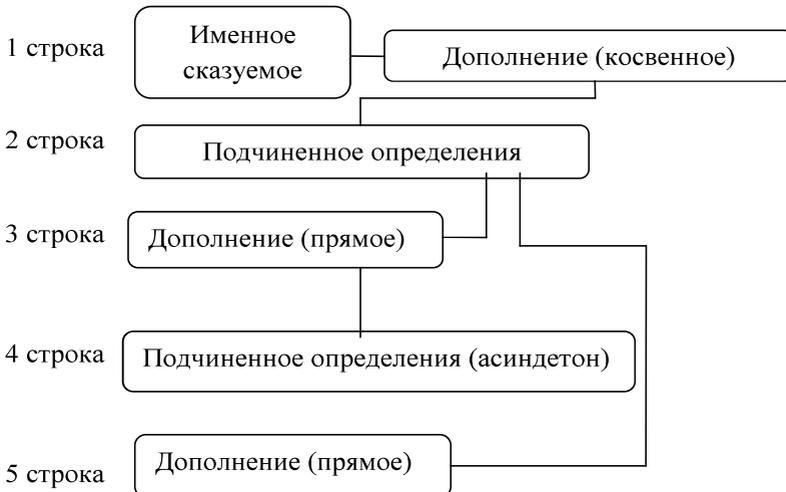
Синтаксическими макроструктурами мы называем сложные предложения-комплексы, в которых простые предложения образуют отдельные поэтические строки. Как правило, такие комплексы употребляются в доклассической поэзии в *поэмах-медитациях* и *гимнах*: расширенные синтаксические структуры прекрасно подходят для подробных описаний и характеристик объекта восхваления; в повествовательном контексте они не встречаются. Не характерны они и для поэзии классической, в которой размеры сложных синтаксических конструкций ограничены строфической структурой стиха (3–4 строки в куплете). В корпусе рассматриваемых нами поэтических произведений подобные комплексы встречаются только шесть раз в трех поэмах с доклассическим типом стихосложения (Ех 20с **ו**, 2л-г; **ז**; **ח**; **ט**; **י**; **יא**; **יב**). Три из этих случаев мы рассмотрим в качестве примеров.

3.1. Дополнения, определяемые подчиненными предложениями. Примеры, приведенные в параграфах 3.1-3 взяты из поэмы Ex 20с .

זירתיה והילכתיה/ לאלפא לרהומי
 ליקלקעון בנייה שדכא/ תייתי פתגמי
 תא לקיימא/ ולשעורי גרמידי תחומיי
 ייא אשוור לזרוזי/ בתפנוקי מיכליה
 ליסטון ובאדג כוורי/ ולפדא ואנומל

- () [Это] Его закон и правило для тысяч возлюбленных,
- () которые в покое совершенном лобызали шесть вещей:
- () Траву и ячмень, высота которых локтями [измеряется],
- () быстро и вовремя приносящие изысканную пищу;
- () вино ароматное и чудесный ликер и медовуху.

В этой сложной синтаксической структуре есть два подчиненных предложения: первое определяет косвенное дополнение לאלפא לרהומי (“для тысяч возлюбленных”), оно вводится с помощью частицы ך в функции подчинительного союза (...ליקלקעון); второе подчиненное – бессоюзное, начинающееся с наречия ייא (“быстро”, “стремительно”), оно определяет прямые дополнения ושעורי ותא (“траву” и “ячмень”). Пятая строка является расширенным дополнением к подчиненному предложению второй строки. Все сложное предложение можно изобразить в виде схемы:

3.2. *Сложный условный период*, оформленный в виде 8-ми поэтических строк.

לו דייקי / דמברר מנת שפיר טוביה
 לפתורי דדהב וצעי דכסף / זכא ליה רביה
 ממלל אסיר / ורעיוני שבי
 נשי וגוברי / מחייבי לנטורי
 סכום דאתי / איתסר ומיחלף אישתרי לגמרי
 עניני מצוה שפיר / למיחשב ולסבורי
 פנסא דיטפא / אסיר לטלטולי
 צפרא ופניא לקדושי / חזי ליה

- (ל) *Если домоправитель, предвидевший свою чудесную судьбу*
 (ל) *в золотых толкованиях и серебряных откровениях,*
заслужил великой славы для себя –
- (מ) *ведь [всего лишь] слова узника и идеи пленника то были,*
 (נ) *но князя и военачальники вынуждены были*
к ним прислушаться, –
- (ס) *вот вывод: определено и установлено наверняка, [что]*
 (ע) *идеи заповеди прекрасны для понимания и толкования;*
 (פ) *Они являются светом, славного узника*
переполнившим через край;
- (צ) *восходом и заходом солнца для праведников,*
ее [заповедь] созерцающим.

Подлежащее *protasis* усложнено подчиненным предложением определения, которое вводится частицей *ו* в роли подчинительного союза (*דמברר* – “тот, кто предвидел”), при этом обстоятельство подчиненного предложения перенесено на следующую строку; далее для объяснения *protasis* вводится сложносочиненное предложение (“Слова узника и идеи пленника...”), которое охватывает две строки (*מ* и *נ*). Таким образом, усложненный *protasis* включает 4 поэтических строки.

Apodosis расширен бессоюзным предложением, объясняющим предыдущее предложение (“Идеи заповеди прекрасны...”), которое в свою очередь дополнено двумя именными предложениями в аппозиции (*פנסא || ליה* || *דיטפא אסיר לטלטולי*). Этот сложный условный период можно изобразить в виде схемы:

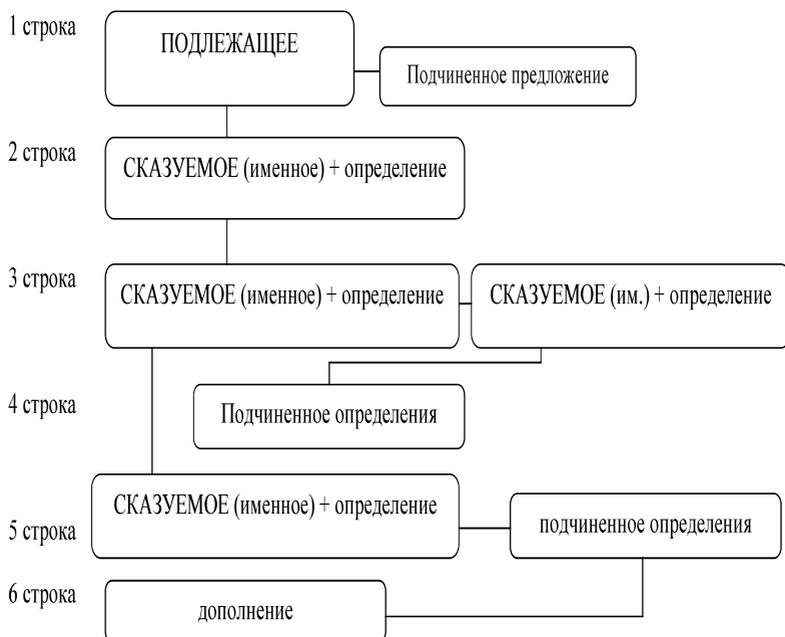

3.3. Другая сложная структура – несколько расширенных именных сказуемых, каждый из которых образует отдельную поэтическую строку; и подлежащее, и сказуемое усложнены подчиненными предложениями – как союзными, так и бессоюзными.

זיפתא ופתיל פתילתא / ומישחא דלא לאקפויי
 חומייה מלפלולי ברמצא / וגומרי מלאחתוא
 חולא לאוסופי על קודשא / וטובא חדויי
 טירדא וטירחא למיבטל / ונפשיה לעידוני
 טעים רשותיה למידע / דאינון תמני
 יזפתא למיזף לאפושי / אסקריטי וריחני

- (ז) Смолистая межа и двойной землемерный шнур,
 что не скручивается –
- (ח) Вот защита [земли] от разрушителей и тех, кто уничтожает;
 (ט) крепость для тех, кто собирается вокруг Святилища,
 и благо радостное,
- (י) способное остановить печаль и горе, и душу Его возвеселить;
 (יא) разумность Его силы, которая знает, как распределить
 (יב) их нужды в деньгах, удовольствиях, еде и ароматах.

Первая строка – однородные подлежащие (זיפתא ופתיל פתילתא) (ומישחא), определяемые подчиненным предложением (דלא לאקפויי); вторая строка – именное сказуемое (חומייה) с однородными определениями (מלפלולי ברמצא / וגומרי מלאחתוא); третья строка – два именных сказуемых (חולא... וטובא), один из которых определяется причастным оборотом (חולא לאוסופי על קודשא), другой – прилагательным (וטובא חדויי); четвертая строка – подчиненное определение, характеризующее третье именное сказуемое (טירדא וטירחא) (למיבתל / ונפשיה לעידוני); пятая строка – еще одно именное сказуемое (טעים רשותיה – сопряженное словосочетание), усложненное подчиненным предложением (דאינון תמני); шестая строка – дополнение подчиненного предложения (יזפתא למיזף לאפושי / אסקריטי וריחני).

Для повествовательного поэтического дискурса характерны менее сложные синтаксические конструкции, рассмотренные нами в параграфе 2.1.

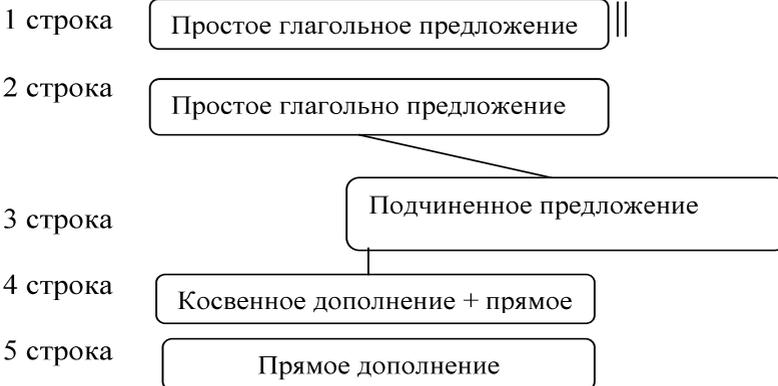
3.4. В диалогическом дискурсе, лежащем в основе цикла поэм о первенстве месяца Нисана среди других месяцев года, часто

используются однотипные сложные синтаксические комплексы, образующие *квази-строфическую* структуру стиха (**Ex 12c-e**; **Ex 12g**); однако они гораздо проще рассмотренных выше примеров, и не могут считаться собственно макроструктурами.

לכן אתיב אָדָר אֲחִי־בִּבְאֵ
 בִּי יְהִי פִּוּרְקָנָא רַבָּא
 דְּאִנָּא עֵתִיד לְאִיתְהַפְּכָא
 לְהוֹן מְדוּוּנָא לְחַדְנָא
 וּמְאִיבִלָּא לְיוֹמָא טַבָּא

*Поэтому отвечал Адар [любезно?]:
 “Во мне избавление великое будет,
 Ведь предназначен я, чтобы превратить
 Для них печаль в радость,
 И скорбь в день праздничный” (Ex 12c, л)*

Первое и второе предложения соединены бессоюзной связью, третье – подчиненной со вторым предложением; возможно также включение еще одного предложения, сочетающегося сочинительной связью с предыдущим. В целом подобные синтаксические комплексы выглядят гораздо проще рассмотренных выше примеров:

Похожие структуры часто встречаются в классической поэзии, где они образуют *строфу* (см. 2.1.).

Таким образом, мы можем отметить, что для *медитативного поэтического дискурса* характерны сложные синтаксические

комплексы, так как они наиболее подходят для *описания* созерцаемых предметов, явлений или идей. К тому же, подобного рода синтаксические макроструктуры используются только в доклассической поэзии, и не встречаются в поэзии классической: структурная модель, в основе которой строка, позволяет создавать сложнейшие комплексы, тогда как *стих-строфа* ограничивает возможности их использования. Об этом свидетельствует и тот факт, что созерцательные картины в классической поэзии (например, в **Ех 20а** и **Ех 20с ***) не оформлены в виде синтаксических макроструктур.

* * *

Проанализированные нами особенности синтаксиса еврейской литургической поэзии доклассического и классического периодов позволяют сделать выводы о специфике ее синтаксиса.

Эмфатические синтаксические конструкции, характерные как для прозы, так и для поэзии, гармонично вписываются в модели стихосложения: в доклассической поэзии выделенный интонационно элемент в начальной позиции в предложении совпадает с *синтагмой-колоном*; в поэзии классической подобные конструкции, хотя и употребляются гораздо реже, также искусно приспособлены под структуру поэтической строки в куплете.

Синтаксические аномалии более выразительно свидетельствуют о трансформациях в структуре предложения, вызванных формальными фонетическими стандартами стихосложения (акростихом и рифмой), и подтверждают наш тезис о второстепенной роли синтаксиса для структуры стиха в литургической еврейской поэзии. Однако мы не можем говорить о том, что данный подход характерен для поэзии в целом: библейский параллельный стих является классическим примером *синтаксически-ориентированной поэзии*. Таким образом, поэтический синтаксис во многом зависит от формальных стандартов конкретной поэтической традиции: в данном случае мы имеем дело со стихосложением, в котором синтаксис играет второстепенную роль.

Что касается синтаксических макроструктур и их использования в некоторых разновидностях поэзии (в данном случае – медитативной поэзии), то мы можем сделать вывод о корреляции между синтаксисом и поэтическим жанром. Для повествовательного

поэтического дискурса характерен простой, почти прозаический синтаксис (особенно, в доклассической поэзии); для диалогического или монологического текста – комбинация простых и сложных предложений в стихе; для созерцательного – сложные синтаксические комплексы, охватывающие несколько стихов-строк (до десяти строк в анализируемых нами *пьютах*).

ЛИТЕРАТУРА

Elbogen I. Jewish Liturgy: a Comprehensive History / Translated by Raymond Scheidlin. New York – Jerusalem, 1993.

Fassberg S. E. A Grammar of the Palestinian Targum Fragments from the Cairo Genizah. Atlanta, Georgia, 1991.

Flesher P. The Translations of Proto-Onqelos and the Palestinian Targums // **JAB**, 2001, № 3.

Heinemann J. Remnants of Ancient *Piyyuṭim* in the Palestinian Targum Tradition // **Hasifrut**, 1973, № 4.

Kaufman S. A. The Akkadian Influence on Aramaic. Chicago, 1974.

Klein M. L. The Fragment-Targums of the Pentateuch According to their Extant Sources, in 2 volumes. Rome, 1980.

Klein M. L. Genizah Manuscripts of Palestinian Targum to the Pentateuch, in 2 volumes. Vol. 1. Cincinnati, 1986.

Margolis M. The Aramaic Language of the Babylonian Talmud. München, 1910.

Muraoka T. Classical Syriac. A Basic Grammar with a Chrestomathy. Wiesbaden, 2005.

Muraoka T., Porten B. A Grammar of Egyptian Aramaic. Leiden – New York – Köln, 1998.

Muraoka T. A Grammar of Qumran Aramaic. Leuven, 2001.

Rabbi Yitzchok Kirner with Lisa Aiken. The Art of Jewish Prayer. Northvale, New Jersey, London, 1991.

Rosenthal F. A Grammar of Biblical Aramaic. Wiesbaden, 1961.

Smelik W. Orality, the Targums, and Manuscript Reproduction // **Paratext and Megatext in Jewish and Christian Traditions**. Leiden, 2003.

Some Unpublished Piyyuṭim From the Cairo Genizah / By Meir Wallenstein. Manchester, 1956.

Stevenson W. B. Grammar of Palestinian Jewish Aramaic. Oxford, 1924.

Tsolin D. Elements of Rhetoric in the Targums. Appeals to Audience // Aramaic Studies. Leiden, 2012.

Weinberger Leon J. Jewish Hymnography. A Literary History. London – Portland, Oregon. 1998.

Zunz L. Literaturgeschichte der synagogalen Poesie. Berlin, 1865.

יהלום יוסף. תחביר הפיוט הקדום (כולל ינאי) כיסוד לסיגנונו. חיבור לשם קבלת תואר דוקטור לפילוספיה הוגש לסינט האוניברסיטה העברית, 1974.

יהלום יוסף ומיכאל סוקולוף. שירת בני מערבא. שירים אראמיים של יהודי ארץ-ישראל בתקופה הביזנט. ירושלים, 1994.

יהלום יוסף. שפת השיר הפיוט הארץ-ישראלי הקדום. ירושלים, 1985.

לויאס קאספאר. דקדוק הארמית הגלילית. ניו-יורק, 1986.

פליישר עזרא. שירת-הקודש העברית בימי-הביניים. ירושלים, 1975.

רוזנטל אברהם בן אליעזר שמשון. הפיוטים הארמיים לשבועות: בחינתם הדיאלקטית ותרומתם למילון הארמי. ירושלים, 1966.